

СТОУНВИК: Танец с драконом

Лоес Моррен

Лоес Моррен

Стоунвик: Танец с драконом

<https://litres.ru/74631303>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один кусочек торта, и вместо собственной квартиры я просыпаюсь в магической академии. Здесь ведьмы управляют силой, драконы защищают мир, а людям вроде меня предлагают быть полезными и не задавать лишних вопросов.

Теперь я, Элара, собираюсь выяснить, как вернуться домой. Вот только сад Стоунвика почему-то отзывается на мои прикосновения, древний кристалл гаснет, а самый нелюдимый дракон академии оставляет под моей дверью рисунок.

Райан красив, замкнут и всё ещё связан с погибшей ведьмой. Мне советуют держаться подальше. Он и сам порой делает всё, чтобы я ушла а потом улыбается так, что забываешь заранее приготовленные разумные доводы.

Я не собиралась влюбляться. Тем более в того, чьё сердце хранит чужое имя.

Но пока корни волшебного сада сковывает необъяснимый холод, наши случайные встречи становятся всё важнее. И однажды мне предлагают именно то, о чём я мечтала с первого дня: дорогу домой, но цена за это, больше не приближаться к Райану.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Стоунвик: Танец с драконом

Глава 1

Последняя роза уколола меня в тот момент, когда я почти убедила себя, что день закончился. На указательном пальце выступила кровь, и я торопливо отдернула руку от белой ленты, которую заказчица выбирала сорок минут. Лента стояла дороже моего обеда, а кровь, насколько я знала, в свадебную концепцию не входила.

В цветочной мастерской пахло мокрыми стеблями, эвкалиптом и остывшим кофе. За стеклянной дверью октябрьский дождь превращал тротуар в размытую акварель, и прохожие исчезали в ней раньше, чем я успевала разглядеть лица. Часы над холодильником показывали половину восьмого, хотя моя смена закончилась полтора часа назад.

— Только не говори, что опять остаёшься бесплатно, — произнесла Соня из телефона, прижатого плечом к уху. — Я уже заказала чай и начинаю подозревать, что он состарится раньше, чем ты придёшь. У него появились морщины на поверхности, Элара, я за него волнуюсь.

— Это пенка, драматическая ты женщина, — ответила я, пряча палец в бумажную салфетку. — Мне осталось упако-

вать букет, убрать рабочий стол и объяснить розам, что их рабочий день тоже закончился. У роз, между прочим, профсоюз сильнее моего.

— Я в кафе через дорогу, и у тебя пятнадцать минут, — сообщила она. — Потом приду за тобой и скажу твоей начальнице, что ты срочно нужна мне для спасения жизни. Моей, потому что я умру от голода, если ещё раз посмотрю на десерты и ничего не закажу.

Я улыбнулась, пообещала поспешить и отключила телефон. В этот момент из подсобки вышла Марина Павловна с праздничной коробкой в руках и тем выражением лица, которое никогда не предвещало ничего хорошего моему свободному времени. Она остановилась возле букета, поправила совершенно ровную розу и одобрительно кивнула собственному исправлению.

— Вот теперь красиво, — сказала она, хотя к цветам почти не прикоснулась. — Ты уж прости, что пришлось задержаться из-за заказа Лизы, у девочки свидание, сама понимаешь. И холодильник протри, пожалуйста, а я побегу, меня муж ждёт.

— Марина Павловна, мы собирались сегодня поговорить о повышении, — напомнила я, прежде чем успела передумать. — Вы говорили, что после осенней выставки я смогу сама принимать заказы на композиции. Я принесла эскизы, они у меня в сумке.

Она посмотрела на сумку так, словно эскизы могли вне-

запно выскочить оттуда и потребовать долю в бизнесе. Я знала этот взгляд и заранее ощутила знакомый неприятный холодок под рёбрами. Всё же вытерла ладони о фартук и осталась стоять на месте.

— Элара, всему своё время, — мягко произнесла начальница. — Ты у меня незаменимая помощница, на тебе вся мастерская держится, а самостоятельные заказы требуют совсем другой ответственности. Давай вернёмся к разговору после Нового года, когда пройдёт суета.

До Нового года оставалось больше двух месяцев. Я смотрела на белый букет, собранный мной по моему же эскизу, и почему-то не могла придумать ни одного убедительного ответа. В двадцать три года особенно стыдно обнаруживать, что лучше всего у тебя получается кивать.

— Хорошо, — сказала я и тут же разозлилась на себя. — Только завтра я не смогу выйти раньше смены, мне нужно в учебный центр. Там просмотр работ, я записалась ещё неделю назад.

Марина Павловна уже придерживала плечом дверь, поэтому остановилась с заметным усилием. Я увидела, как она собирается напомнить о лояльности, сезонной нагрузке и сложностях малого бизнеса. Но потом на улице посигналила машина, и начальница ограничилась коротким «посмотрим».

У двери стоял горшок с миртом, подставленный прямо под холодный сквозняк. Я переставила его подальше и осто-

рожно провела пальцем по листьям. Почему-то ещё утром мне казалось, что ему здесь не нравится, хотя желтеть он пока не начал. Такие вещи я обычно чувствовала раньше, чем могла объяснить, и называла это опытом, чтобы не выглядеть странной.

Перед тем как погасить свет, я достала из сумки папку с эскизами. На верхнем листе была маленькая мастерская с широким окном, столом для занятий и вывеской, которую я пока стеснялась придумать. Я задержала на рисунке взгляд, потом аккуратно закрыла папку и впервые за день ушла, не протерев холодильник.

Соня встретила меня взглядом женщины, готовой опознать тело опоздавшей подруги по характеру походки. Перед ней стояли два чайника, тарелка с крошками и нетронутая булочка, прикрытая салфеткой. Я села напротив, и она молча подвинула ко мне булочку, словно вручала гуманитарную помощь.

— Я оставила тебе половину, — сообщила она после короткой паузы. — Потом решила, что половины мало, и заказала целую, а свою половину доела из принципа. Рассказывай, тебе уже подарили мастерскую или пока разрешили бесплатно в ней состариться?

— Мне снова сказали, что я незаменимая, — ответила я и обхватила ладонями чашку. — Кажется, это такая должность без повышения, зато с расширенным списком обязанностей. Ещё я не протёрла холодильник, поэтому сегодняшний день

прошёл под знаком беспрецедентной дерзости.

Соня не засмеялась сразу, и это было хуже любой лекции. Она дождалась, пока я откушу булочку, потом достала из сумки визитку какой-то студии и положила возле моей чашки. На обороте синими чернилами был записан номер телефона.

— Моя коллега выходит замуж и ищет флориста, — сказала она. — Я показала ей твои композиции, те самые, которые ты называешь просто тренировкой. Если захочешь, позвони ей сама, я ничего за тебя не обещала.

— А если я испорчу ей свадьбу, — начала я, но Соня подняла палец. — Нет, серьёзно, там же доставка, холодильники, договоры, я не могу просто купить цветы и надеяться на лучшее. У меня даже машины нет.

— Поэтому ей нужен разговор с флористом, а не клятва над алтарём, — спокойно ответила подруга. — Узнаешь задачу, считаешь расходы и решишь, потянешь ли заказ. Ты почему-то считаешь, что имеешь право начать свою жизнь только после того, как перестанешь в ней ошибаться.

Я убрала визитку в карман пальто, решив хотя бы узнать подробности заказа, прежде чем придумывать причины отказать. Кафе называлось «Мята и мёд», и мы бывали здесь достаточно часто, чтобы узнавать официантов по голосам. Сегодня между столиками ходил незнакомый молодой мужчина в сером жилете, слишком безупречном для вечерней смены. Он двигался неторопливо, но ни разу не задержал ни

одного посетителя, словно заранее знал, кому понадобится новая ложка, а кому — счёт.

Перед нами он остановился с маленькой белой тарелкой. На ней лежал кусочек торта, покрытый прозрачной глазурью, и голубой цветок с пятью узкими лепестками. Свет от настольной лампы падал с другой стороны, однако внутри цветка мерцало собственное крошечное сияние.

— Комплимент от шефа, — произнёс официант, ставя тарелку передо мной. — Сегодня приготовили особенный десерт и хотели бы услышать ваше мнение. Рекомендую попробовать вместе с украшением, иначе вкус будет неполным.

Я наклонилась ближе, мгновенно забыв про булочку. Цветок напоминал незабудку, если бы кто-то решил вырастить её из тончайшего стекла и лунного света. При этом на срезе стебля блестела капля сока, а один лепесток медленно повернулся к моей руке.

— Это какой-то съедобный сорт? — спросила я, удержавшись от желания прикоснуться. — Я работаю с цветами, но такого никогда не видела, даже на выставках. Он ведь настоящий, не сахарный?

— Совершенно настоящий, — ответил мужчина, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение. — Удивительно, как редко люди задают именно этот вопрос. Некоторые двери открываются лишь для тех, кто ещё замечает живое. Надеюсь, аллергии на миндаль и цветочную пыльцу у вас нет.

— Аллергии у меня нет, — сказала я, хотя Соня уже потянула тарелку к себе для осмотра. — И я не собираюсь есть ядовитые растения на спор, можешь перестать смотреть на меня как на неудачный научный опыт. Наверняка это подсветка в глазури, сейчас всё умеют делать.

Я поддела вилкой крошечный лепесток и попробовала его отдельно. На языке появился прохладный вкус, похожий на огуречную траву и что-то медовое, а цветок едва заметно дрогнул. Соня заметила моё выражение лица, но я уже отломила кусочек бисквита вместе с оставшимися лепестками, решив, что странности после долгой смены мне просто мерещатся.

Вкус оказался почти невесомым, с неожиданной горчинкой в конце. Я закрыла глаза, пытаюсь понять, откуда она, и слышала шелест большой кроны над головой, хотя в кафе тихо играло пианино. На секунду под ногами словно стала мягкой земля, а воздух наполнился запахом нагретого дождём камня.

— Элара, посмотри на меня, — потребовала Соня, и я открыла глаза. — Ты сейчас выглядела так, будто вспомнила пароль от всех своих прошлых жизней. Если там был богатый муж, пожалуйста, запомни адрес.

На улице Соня велела мне написать, как только доберусь домой, и для надёжности застегнула верхнюю пуговицу моего пальто. Дождь закончился, но воздух оставался холодным, а на крышах машин лежали мокрые листья. Я сказала, что

мне двадцать три, а не семь, после чего послушно пообещала отчитаться о прибытии.

Дома я поставила чайник и достала визитку из кармана. Вместе с ней на стол выпала узкая карточка плотной бумаги, которой я раньше не видела. На одной стороне был вытеснен замок с высокими башнями, замкнутыми вокруг сада, а на другой аккуратным почерком написано моё имя.

Я несколько секунд смотрела на буквы, пытаюсь вспомнить, когда официант успел спросить, как меня зовут. Потом решила, что он мог услышать Соню, которая обращалась ко мне по имени примерно каждые три минуты. Объяснение получилось вполне убедительным и совершенно не помогло справиться с неприятным ощущением между лопатками.

Под именем проступала надпись, которую я сперва приняла за узор. Стоило поднести карточку к лампе, как серебристые линии потемнели и сложились в слова. Я прочитала их вслух, хотя квартира вдруг показалась недостаточно пустой для этого занятия.

«Стоунвик приглашает тех, чьи способности остались не востребованными. Здесь вы можете начать обучение и найти дело по своей природе. Путь откроется после принятия дара».

Я перевернула карточку, надеясь увидеть адрес сайта, телефон или хотя бы мелкую приписку об акции. Ничего подобного не было, только в нижнем углу замкового рисунка стоял едва заметный знак в виде переплетённых ветвей. На

бумаге сохранился слабый запах того самого цветка, который украшал торт.

Я сфотографировала карточку, собираясь показать её Соне. На экране получился обычный светлый прямоугольник, без рисунка и букв, словно камера не смогла сфокусироваться. Я попробовала ещё два раза, раздражённо протёрла объектив и отправила подруге голосовое сообщение вместо снимка.

Ответ пришёл почти сразу, когда я уже заливала чай. Соня позвонила по видеосвязи, сидя на кровати с маской для лица и выражением крайней деловитости. Я показала ей карточку, повернув телефон к столу, и попросила прочитать надпись.

— Элара, ты показываешь мне белый картон, — сообщила она. — Если это современное искусство про отсутствие перспектив, я понимаю замысел, но не одобряю цену. Ты точно нормально себя чувствуешь после нашего загадочного десерта?

Я перевела камеру на себя и собиралась сказать, что просто устала. Но в этот момент на карточке зажглось одно крошечное окно, потом другое, и по нарисованному двору легла золотистая полоска света. Я резко накрыла бумагу ладонью, будто могла поймать насекомое, забравшееся на кухонный стол.

— Со мной всё хорошо, — сказала я с такой поспешностью, что Соня нахмурилась под своей блестящей маской. — У меня лампа мигает, надо будет заменить, а я дёрнулась

от неожиданности. Сейчас поем и лягу спать, завтра напишу твоей знакомой насчёт свадьбы.

— Ты можешь написать ей после просмотра работ, — ответила подруга уже мягче. — И можешь вообще отказаться, если не захочешь, только сначала узнай, от чего отказываешься. Не заставляй меня в старости рассказывать твоим ученикам, как я двадцать лет выманивала тебя из чужой подсобки.

Перед сном мне пришло сообщение от Марины Павловны с просьбой выйти завтра на час раньше. Я прочитала его дважды, затем написала, что не смогу, и положила телефон экраном вниз, не дожидаясь ответа. Сердце стучало так, словно я только что совершила дерзкое преступление, а не распорядилась одним часом своего утра.

— Я ведь не прошу слишком многого, — тихо сказала я, забираясь под одеяло. — Просто однажды проснуться и знать, что моя жизнь тоже куда-то движется. Желательно туда, где мне не придётся всё время доказывать право занимать место.

С улицы донёсся шум машины, потом хлопнула подъездная дверь. Я закрыла глаза и почти сразу ощутила запах влажной земли, решив сквозь сон, что забыла закрыть окно на кухне. А затем рядом очень осторожно зашелестели листья, хотя до кухонного подоконника было две стены.

Я проснулась от холода и несколько секунд пыталась нащупать одеяло привычным движением ноги. Ткань оказа-

лась тяжёлой, гладкой и совсем не похожей на мой пододеяльник с выцветшими полосками. Я открыла глаза и увидела над собой тёмно-зелёный полог, спускавшийся с деревянной перекладины.

На мне оставалась моя хлопковая пижама с маленькой дыркой возле манжеты. Волосы были собраны той же резинкой, на пальце темнел след от розового шипа, а телефон лежал на низком столике у изголовья. Эти подробности почему-то напугали сильнее, чем чужая комната, потому что мешали списать всё происходящее на сон.

Я схватила телефон, но экран не загорелся даже после долгого нажатия. Накануне заряд был почти полным, и я помнила это совершенно точно, поскольку проверяла время перед сном. Вместо привычного звука за стеной раздался низкий протяжный удар, будто кто-то далеко внизу ударил в огромную металлическую чашу.

Комната была круглой, с двумя узкими окнами и каменным камином, в котором тлели угли. На спинке кресла висело платье из серой ткани, рядом стояли мягкие туфли, явно приготовленные для меня. Я искала выключатель, розетку, провод под ковром и хотя бы один предмет, который не выглядел частью тщательно организованной исторической реконструкции.

Я подошла к окну и увидела сад, окружённый стенами огромного замка. Между деревьями стояли скамьи и белел небольшой фонтан. Одна из дорожек уходила к стеклянной

оранжерее, от которой почему-то невозможно было отвести взгляд. Я вдруг узнала расположение башен и поняла, что вижу замок с карточки, только теперь могу различить каждую трещину в камне.

За верхним шпилем промелькнула тень, и я машинально отступила. Над крышей медленно поднялось огромное существо с длинной шеей и крыльями, между костяными лучами которых просвечивало утреннее небо. Оно повернулось боком, поймало воздушный поток и исчезло за башней, оставив мне достаточно времени, чтобы заметить отблеск чешуи.

Стук в дверь заставил меня вздрогнуть так сильно, что колено ударилось о камень. За дверью вежливо поинтересовались, проснулась ли госпожа Элара, и я почему-то первым делом разозлилась на это «госпожа». Человек, называющий меня так уверенно, явно знал больше, чем собирался сообщить.

— Кто вы и где я нахожусь? — спросила я, не подходя к двери. — Если это розыгрыш, заканчивайте сейчас, потому что смешно уже не будет. И я хочу немедленно позвонить подруге.

— Меня зовут мастер Роуэн, я сопровождаю прибывающих, — ответил мужчина с той стороны. — Вы находитесь в гостевом крыле академии Стоунвик, и вам ничто не угрожает. Если позволите, я войду и объясню порядок утреннего собрания.

Я посмотрела на бесполезный телефон, затем на окно и

решила, что запереться здесь вместе с неизвестностью будет хуже. Прежде чем открыть, схватила тяжёлый подсвечник с каминной полки и встала так, чтобы его было хорошо видно. Мужчина на пороге окинул меня взглядом, задержался на подсвечнике и слегка склонил голову, будто я выбрала вполне уместный аксессуар.

На вид мастеру Роуэну было около пятидесяти, волосы у висков посеребрила седина, а тёмная мантия застёгивалась простой бронзовой пряжкой. Он держал руки открытыми и не пытался шагнуть внутрь без приглашения. Это немного успокоило меня, хотя отсутствие на его одежде карманов для телефона почему-то показалось личным оскорблением.

— Мне не нужен порядок собрания, мне нужен адрес, — сказала я. — Город, улица, номер дома и возможность связаться с полицией, именно в такой последовательности. А потом вы расскажете, каким образом я оказалась здесь в пижаме.

— Боюсь, последовательность придётся изменить, — ответил мастер Роуэн, и на его лице впервые появилось сожаление. — Здесь нет вашей городской связи, а названия ближайших поселений вам ничего не скажут. Переход завершился ночью, когда приглашение было принято.

Я хотела спросить, не репетировал ли он эту речь перед зеркалом. Однако мужчина поднял ладонь, и над ней возник маленький светящийся шар без фитиля, провода или опоры. Свет осветил его пальцы снизу, отделился от руки и поплыл

к камину, а я обнаружила, что больше не могу заставить себя произнести ни слова.

Роуэн оставил меня одеваться и обещал подождать в коридоре. Я поставила подсвечник на место, закрыла дверь и несколько раз медленно вдохнула, пока руки не перестали дрожать. Решив, что ответы за порогом всё-таки полезнее моих догадок, я подошла к креслу.

Платье оказалось свободной учебной туникой с длинными рукавами и поясом. Я натянула его поверх пижамы, потому что расставаться с последней вещью из дома не собиралась, и сунула телефон за пояс. В туфлях нашла мягкая шерстяная подкладка, а на внутреннем шве туники была вышита моя первая буква.

В коридоре пахло воском и холодным камнем. По дороге Роуэн сообщил, что сегодня в Стоунвик прибыли ещё три девушки, и я неожиданно обрадовалась, что оказалась здесь не одна. Но уже на следующем повороте облегчение сменилось новым вопросом.

— Им тоже не объяснили, куда их приглашают? — спросила я, когда мы подошли к лестнице. — Потому что моя карточка больше походила на рекламу курсов для людей с заниженной самооценкой. Я ничего не подписывала и не соглашалась исчезнуть из собственной квартиры.

— Я понимаю ваше недовольство, — произнёс он после паузы, которая понравилась мне больше любого немедленного утешения. — Но я не уполномочен обсуждать условия

отбора, это делает ректор. Я могу проводить вас к нему и проследить, чтобы вы получили ответы на свои вопросы.

— Тогда не называйте это недовольством, — попросила я, придерживаясь за холодные перила. — Так говорят, когда в чай положили не тот сахар, а не когда человек проснулся в чужом мире. Если вы действительно хотите помочь, начните хотя бы с правильного слова.

В приёмной ждали три девушки примерно моего возраста. Одна прижимала к груди свёрнутый свитер, другая крутила кольцо, а третья отошла от двери и окинула меня оценивающим взглядом. Я неожиданно обрадовалась тому, что не придётся задавать все вопросы в одиночку.

— Вы тоже из нормального места? — спросила девушка со свитером, первой нарушив тишину. — Я имею в виду место, где есть автобусы, интернет и родители, которым можно позвонить. Простите, я сейчас, наверное, ужасно глупо выразилась.

— Совершенно понятно выразились, — ответила я, садясь рядом с ней. — У меня дома даже кран подтекает, так что в нормальности сомневаться не приходится. Меня зовут Элара, и я тоже хочу обратно хотя бы для того, чтобы разобраться, что происходит.

Рыжеволосую звали Лена, девушку с кольцом — Таисия, а третью — Вика. Таисия получила на ярмарке браслет, Лене прислали коробку чая, а Вика нашла в посылке закладку с движущимся узором. После каждой истории мы ненадол-

го замолкали, потому что общие подробности отнимали последнюю надежду на чью-то случайную ошибку.

— А у тебя что было? — спросила Вика, опускаясь на край скамьи. — Только не говори, что тебе хотя бы дали прочитать договор, я тогда окончательно разозлюсь. Моя закладка вообще утверждала, что помогает найти нужную страницу.

— Торт со светящимся цветком, — призналась я, и три пары глаз повернулись ко мне. — Да, я понимаю, как это звучит, но официант перечислил состав и ничего не сказал про смену мира. Если выберемся, я оставлю кафе очень подробный отзыв.

Таисия достала из рукава свою карточку и показала знак в нижнем углу. Я потянулась к поясу, хотя прекрасно помнила, что оставила приглашение на кухне, и почувствовала под пальцами край плотной бумаги. Рядом с мёртвым телефоном лежала та самая карточка, теперь тёплая и чуть шершавая, словно её только что высушили на солнце.

На обороте под моим именем появилась новая строка, которой вчера совершенно точно не было. Я провела по ней большим пальцем, и серебристые буквы остались на месте, не размазавшись и не исчезнув. Надпись гласила: «Факультет людей», а ниже проступал круг, заключающий в себе маленькое дерево.

— Как будто нас уже распределили, — тихо сказала Таисия, сравнив наши карточки. — Я ещё даже не решила, верю

ли во всё это, а они уже придумали, где мне учиться. Интересно, мнение студентов здесь вообще предусмотрено?

Двери открылись, и на пороге появился высокий седовласый мужчина в тёмной одежде. Он посмотрел на телефон, который я снова достала в надежде включить, на свёрнутый свитер Лены и наконец на наши лица. Его усталость показала мне первой по-настоящему понятной вещью в этом мире.

— Доброе утро, — произнёс он, отступая, чтобы мы могли войти. — Я Эдрик Вальден, ректор Стоунвика, и прежде всего хочу убедиться, что никто из вас не пострадал при переходе. Затем мы обсудим ваши вопросы, и я постараюсь ничего от вас не скрывать.

— Начните с самого важного, — попросила я, встретившись с ним взглядом. — Как нам вернуться домой и когда вы сможете открыть дорогу? Всё остальное я готова выслушать после этого.

Ректор не отвёл глаз и не стал изображать улыбку. Он медленно положил ладонь на спинку кресла, и по этой короткой задержке я уже поняла, что ответ мне не понравится. За окном дрогнула ветка, блеснула капля на листе, а он тихо произнёс: «Сейчас обратный переход невозможен».

Глава 2

Слова ректора повисли между нами, и я вдруг очень отчётливо услышала, как за окном капает вода. Где-то там, в саду, наступало обычное утро, совершенно не замечавшее, что моя жизнь только что упёрлась в закрытую дверь. Я смотрела на ладонь Вальдена, лежавшую на спинке кресла, и ждала продолжения, которое сделало бы его ответ менее страшным.

— Что значит «сейчас»? — спросила я, пока остальные молчали. — Вы не можете открыть дорогу до вечера, до следующей недели или вообще не знаете, как нас отправить обратно? Мне нужна разница между этими вариантами, потому что от неё зависит, насколько вежливо я буду разговаривать дальше.

— Садитесь, пожалуйста, и я объясню то, что мне известно, — ответил ректор, не меняя тона. — Межмировой переход требует определённого состояния границы, и ближайшее подходящее окно ещё предстоит рассчитать. Обещать вам возвращение сегодня или через неделю я не могу, но и утверждать, что дороги назад не существует, было бы неправдой.

— Тогда почему вы привели нас сюда, не предупредив? — спросила Таисия, продолжая крутить кольцо. — Дома меня ждут, и никто не знает, где искать, если я не вернусь. У вас ведь есть какой-то способ сообщить, что мы живы, иначе это

просто похищение с хорошими манерами.

Вальден провёл пальцами по краю стола, и мне показалось, что последнее определение он уже слышал. Он рассказал о кристалле равновесия, который находит людей с редкой восприимчивостью к чужому миру, и о приглашениях, принимающих привычную для адресата форму. Браслет, чай, закладка, цветок на торте — всё это должно было стать предложением, после принятия которого открывался путь.

— Я приняла десерт, — сказала я, чувствуя, как злость наконец помогает дышать. — Не место в академии, не переезд и даже не сомнительную подписку на рассылку. Если ваши правила не различают эти вещи, то ошиблись правила, а не мы.

— С этим различием я спорить не стану, — ответил он после короткой паузы. — Порядок приглашения значительно старше меня, но возраст порядка не делает его безупречным. Я распоряжусь проверить, почему предварительное разъяснение не дошло ни до одной из вас, и приму ваши заявления о возвращении лично.

Вальден предложил записать имена тех, кого следует известить, а Лена спросила, можно ли написать маме, что она взяла дополнительную смену. Вальден объяснил, что отправить удобную ложь, не зная длительности нашего отсутствия, было бы опасно, и предложил сначала выяснить разницу во времени. На предложенном листе я записала Сонино имя, номер телефона и адрес, выводя цифры с таким старанием,

будто от ровного почерка зависело, дойдут ли они до неё.

— Пока вы здесь, вам предоставят жильё, питание и обучение, — продолжил ректор, собрав листы. — В Стоунвике три факультета: людей, ведьм и драконов, и каждый готовит специалистов для поддержания равновесия. Сегодня вы познакомитесь с устройством академии и пройдёте безопасную проверку восприимчивости, необходимую для допуска к занятиям.

— А если я откажусь учиться? — спросила Вика, скрестив руки. — Не потому, что мне неприятно ваше гостеприимство, хотя есть нюансы, а потому, что у меня уже была жизнь с собственным расписанием. Вы тогда перестанете меня кормить или просто предложите работать на кухне?

Ректор покачал головой и сказал, что жильё с питанием не зависят от успеваемости. Без инструктажа нам ограничат доступ к некоторым помещениям, но заставлять участвовать в опытах или выбирать магического партнёра никто не имеет права. Я зацепилась за последние слова и попросила объяснить, о каких партнёрах он говорит.

Вальден рассказал, что ведьмы умеют направлять магию, драконы дают ей силу, а люди помогают работать с живыми проводниками. Магический союз позволяет ведьме и дракону действовать точнее и безопаснее, однако не заменяет ни дружбы, ни любви и сам по себе не создаёт их. На мой вопрос, зачем при таком устройстве понадобились именно мы, он ответил, что кристалл заметил способности, которые ещё

предстоит распознать и развить.

Я не почувствовала себя избранной, только очень усталой. Однако ректор по крайней мере перестал говорить об отъезде так, будто это несущественная подробность, и я повторила вслух обещанное им перед тем, как мы поднялись. Он подтвердил каждое слово, затем вызвал Роуэна и велел после проверки отвести нас на завтрак.

Путь в центральный зал пролегал через открытую галерею над садом. Я шла медленнее остальных и рассматривала деревья, чьи кроны почти касались каменных арок, а под ногами в глубоких щелях между плитами зеленел мох. После кабинета ректора воздух казался таким свежим, что хотелось наполнить им лёгкие про запас.

На повороте мы встретили группу студентов в тёмно-синих мундирах. Высокий парень придержал дверь, пропуская нас, и Лена смущённо поблагодарила его, не поднимая глаз. Когда он улыбнулся, в глубине его радужки мелькнуло золото, а у основания шеи я заметила несколько крошечных чешуек, похожих на тёмный перламутр.

В центральном зале все разговоры стихли сами собой. Под высоким куполом стоял прозрачный камень выше человеческого роста, окружённый тремя кругами узоров на полу, а внутри медленно перемещались золотистые искры. К его основанию подходили тонкие жилы, то ли металлические, то ли выросшие прямо из камня, и мне невольно захотелось проверить, не слишком ли тесно им под плитами.

Нас ожидал мужчина с острым лицом и серебряной застёжкой на высоком воротнике. Ректор представил магистра Северина, руководителя кафедры связей, и тот объяснил, что проверка не определяет ценность человека, а лишь уточняет реакцию на местную магию. Выражение его лица при этом почему-то заставляло подозревать, что результаты он всё же собирается расположить по степени полезности.

— Приложите ладонь и не пытайтесь ничего вызвать намеренно, — сказал Северин, приглашая первой Таисию. — Вам не требуется представлять огонь, произносить желания или вспоминать события, вызывающие сильные чувства. Если ощутите боль, сразу уберите руку и сообщите мне.

Таисия дотронулась до камня, и золотистые искры собрались ближе к её пальцам. С Леной произошло то же самое, только свет оказался чуть теплее, а Вика после своей проверки спросила, полагается ли за свечение какой-нибудь документ. Северин не оценил шутку, зато Роуэн отвернулся, скрывая улыбку.

Когда подошла моя очередь, я вдруг вспомнила цветок, потянувшийся к руке. Здесь было такое же ожидание, словно что-то живое замерло по другую сторону прозрачной поверхности и прислушивалось ко мне. Я приложила ладонь и ощутила сначала обычную прохладу, а потом резкий холод, добравшийся до локтя.

Изнутри пришло чувство, которому я не сразу смогла подобрать название. Не страх и даже не боль, а такая безнадеж-

ная, неподвижная тоска, будто кто-то очень долго ждал шагов, которые никогда не раздадутся. Воздух застрял в груди, и на мгновение мне почудился сад под снегом, хотя перед глазами оставался освещённый зал.

Я отдёргнула руку, но успела заметить тонкую тёмную линию внутри камня. Она прошла наискось между искрами, словно волосок, запаянный в стекло, и исчезла, когда Северин резко поднял ладонь. В тот же миг под моими ногами едва слышно хрустнуло, и из щели у постамента показался белёсый кончик корня.

— Достаточно, — произнёс магистр, вставая между мной и кристаллом. — Реакция после перехода бывает неустойчивой, поэтому повторять проверку сегодня не следует. Сожмите и разожмите пальцы, а затем скажите, сохраняется ли онемение.

Я послушно пошевелила рукой и поняла, что пальцы почти не слушаются. Роуэн подал мне тёплый платок, неизвестно откуда взявшийся в его ладони, а ректор не отрывал взгляда от пола. Только теперь я заметила, что молодой корень свернулся на самом краю тёмного узора, будто пытался уйти от него.

— Внутри была трещина, — сказала я, глядя мимо плеча Северина. — Очень тонкая, слева от середины, и я почувствовала холод ещё до того, как она появилась. У остальных такого не было, поэтому мне трудно поверить в совершенно обычную реакцию.

— Вы видели преломление света, — ответил магистр слишком быстро. — Кристалл имеет сложное внутреннее строение, а сильные переживания искажают ощущения. Вам нужно поесть и отдохнуть, прежде чем делать выводы о работе устройства, с которым вы только что познакомились.

Мне захотелось заметить, что впервые я познакомилась и с похищением через торт, однако всё же сумела составить о нём мнение. Вместо этого я повернулась к ректору и увидела, как он осторожно касается корня кончиком трости, не прижимая к полу. Вальден встретился со мной взглядом, попросил сообщить, если холод вернётся, и не повторил объяснение Северина.

Завтрак оказался первой вещью в Стоунвике, которая не пыталась меня удивить. Нам подали кашу, яйца, хлеб и горячий напиток с запахом цикория, а я с неожиданным голодом съела всё, кроме сладкой булочки с цветочным украшением. Вика заметила мой взгляд и молча переставила булочку на дальний край стола, после чего мы обе наконец рассмеялись.

После еды нас привели в небольшую аудиторию, где уже сидели несколько студентов в серой форме с зелёной отделкой. Женщина у доски представилась куратором человеческого факультета госпожой Бренной и выдала тонкие тетради с правилами. На первой странице стояло моё имя, под которым кто-то заранее указал учебную группу и номер комнаты.

— В ближайшие месяцы вы освоите основы травоведе-

ния, восстановительных составов и бытовых защитных плетений, — начала она. — Люди обладают устойчивостью к тем колебаниям, которые быстро истощают ведьм и драконов, поэтому ваше присутствие помогает сохранять спокойную среду. От внимания к малому порой зависит больше, чем от самых впечатляющих заклинаний.

Поначалу я даже выпрямилась, услышав про травоведение. Затем куратор перешла к организации быта связанных пар, уходу за помещениями отдыха и составлению распорядка, снижающего эмоциональные перегрузки. В расписании обнаружились занятия по этикету, восстановительной кухне и сопровождению, а на самостоятельную работу отвели один короткий вечер в неделю.

— Простите, — сказала я, подняв руку прежде, чем успела решить, насколько это разумно. — А где занятия по нашей собственной специальности, после которых можно выбрать работу? Я пока вижу подготовку к тому, чтобы хорошо устраивать жизнь других студентов, а не свою.

— Вы ещё не понимаете, насколько важна эта помощь, — произнесла куратор. — После сильного выброса дракон может несколько дней испытывать сложности с самоконтролем, а ведьма — терять способность отдыхать без внешнего воздействия. Человеческое участие возвращает их к обычной жизни и порой предотвращает серьёзные последствия.

— Я не сомневаюсь, что это важно, — ответила я, стараясь не повисить голос. — Но важность чужого восстановле-

ния не объясняет, почему у меня почти нет времени учиться чему-то ещё. Если я захочу исследовать растения или работать в оранжерее, мне понадобится разрешение пары, которой меня назначат?

Госпожа Бренна уточнила, что постоянные назначения касаются старших курсов и предварительно согласуются с руководителем факультета. Про согласие самого студента она не сказала, и я попросила уточнить именно эту подробность. Лена рядом со мной перестала листать тетрадь, а Вика положила карандаш и подняла голову.

— Вы можете подать мотивированное возражение, — ответила куратор после паузы. — Каждый случай рассматривается отдельно с учётом потребностей академии и ваших возможностей. Однако советую сначала получить представление о занятиях, прежде чем заранее искать причины от них отказаться.

Последние слова были произнесены мягко, но я слишком хорошо помнила голос Марины Павловны, чтобы не узнать интонацию. Незаменимая помощница, на которой всё держится, снова получила форму и расписание вместо ответа о будущем. Я закрыла тетрадь, досчитала до пяти и попросила показать правило, по которому рассматривают такие возражения.

После занятия госпожа Бренна задержала меня возле стола. Она объяснила, что травоведение начинается завтра, а специализации становятся доступны по результатам первого

учебного периода, и велела не превращать знакомство с академией в борьбу. Я согласилась, что бороться со всем сразу утомительно, но попросила выдать мне полный устав, а не сокращённые правила.

— Его можно заказать в библиотеке, если у вас хватит терпения читать старые формулировки, — сказала она, убирая очки в футляр. — Только не удивляйтесь, если обнаружите там обязанности рядом с правами. И постарайтесь помнить, что ваши преподаватели не являются вашими противниками.

За дверью меня ждала темноволосая девушка из аудитории, которая назвалась Никой и оказалась моей соседкой по комнате. В Стоунвике она жила четвёртый месяц, успела привыкнуть к движущимся огонькам в коридорах и научилась различать преподавателей по тому, как быстро перед ними расступаются студенты. Я спросила, не назначили ли ей меня в качестве наказания, а она ответила, что для наказания в академии есть гораздо более изобретательные способы.

— Например, инвентаризация сушёных корней, — пояснила она, ведя меня мимо окна с цветным стеклом. — Если когда-нибудь захочешь узнать, как выглядит вечность, пересчитай триста пакетиков, которые нельзя открывать и которые все подписаны одинаково. Я после этого неделю во сне сортировала собственные пальцы.

Наша комната находилась на втором этаже человеческого

крыла. Две кровати стояли у противоположных стен, между окнами помещался общий стол, а на подоконнике теснились кружки, нитки и горшок с явно несчастным растением. Увидев мой взгляд, Ника заранее сообщила, что оно таким и было, а никакого вреда от кофе в землю она документально не установила.

Я поставила телефон на стол, села на свободную кровать и только тогда поняла, насколько устала. Новая форма лежала сложенной на покрывале, рядом стояли учебная сумка, письменные принадлежности и небольшая жестяная коробка с пуговицами. Всё было приготовлено разумно и аккуратно, отчего захотелось расплакаться с совершенно неразумной силой.

Ника заметила это и вместо расспросов полезла в шкаф. Она достала чистую рубашку, повесила её перед собой и спросила, не кажется ли мне, что здешняя мода придумана человеком, который презирал человеческие плечи. Я согласилась, и пока мы обсуждали швы, моя нижняя губа наконец перестала дрожать.

— Ты тоже хочешь домой? — спросила я, когда удалось снова спокойно вдохнуть. — Мне кажется, я повторяю это так часто, что уже надоела всем, включая ректора. Но стоит перестать говорить, и становится страшно, будто я уже смирилась.

— Иногда хочу, — ответила Ника, садясь на свою кровать. — Иногда не знаю, куда именно хочу вернуться, потому что

дома тоже было непросто. Только ты не обязана решать сегодня, нравится тебе здесь или нет, и точно не обязана утешать тех, кого расстраивает твоя растерянность.

— А ты не знаешь, почему ректор сказал, что нас нельзя назначать без согласия, а Бренна говорила только про разрешение руководителя? — спросила я, возвращаясь к расписанию. — Может, я придираюсь к словам, но мне хотелось бы понять это раньше, чем у меня появится чужой распорядок на всю жизнь. У тебя самой уже было такое назначение?

Ника объяснила, что пока студентов отправляют только на учебные дежурства и менять их обычно можно без споров. С постоянным сопровождением сложнее: большинство людей соглашается, потому что после выпуска такая работа даёт жильё и достойное содержание. Однако она тоже не знала, что происходит, если человек отказывается от всех предложенных вариантов, и именно это меня насторожило.

— Значит, начнём с устава, — решила я, доставая чистую тетрадь. — Я не собираюсь объявлять войну каждому преподавателю, но хочу понимать, что мне действительно положено. И почему слово «человек» тут всё время произносят так, будто это название полезного предмета мебели.

Ника рассмеялась, а потом предложила сходить в библиотеку вместе. До обеда мы успели заказать полный устав, узнать о вечернем времени выдачи книг и найти на карте разрешённый вход в сад. Оказалось, что со стороны человеческого крыла туда ведёт открытая арка, а некоторые внут-

ренние калитки закрывают из-за редких растений и старых защитных участков.

Остаток дня прошёл в коротких походах по замку и бесконечных попытках запомнить повороты. На ужине я снова увидела Лену, Таисию и Вику, но уже не чувствовала необходимости проверять, не исчезли ли они, пока мы были в разных помещениях. Вечером Ника принялась чинить манжету, я переписала обещания ректора на первую страницу тетради и впервые подумала, что завтра у меня будет настоящий урок.

Когда погасили большие светильники, соседка почти сразу уснула. Я лежала с открытыми глазами, слушала её ровное дыхание и пыталась представить Соню в нашей обычной кофейне, но перед глазами снова возникал холодный кристалл. В какой-то момент из открытой форточки потянуло влажной землёй, а между оконными переплётами мелькнул знакомый голубой огонёк.

Сначала я решила, что это отражение коридорного светильника. Однако свет скользнул вниз, задержался возле тёмной кроны и появился снова, уже ближе к земле, словно кто-то осторожно нёс маленький фонарь. Я поднялась, надела туфли и форменную куртку поверх пижамы, стараясь не скрипнуть половицей у Никиной кровати.

В коридоре горели редкие огни, и обычные дневные звуки исчезли. Я прошла по запомнившейся галерее к арке, не собираясь заходить далеко: хотелось лишь понять, что све-

тится под деревом, и подышать воздухом без чужих голосов. Холодный камень сменился гравием, запахло прелыми листьями, и шум собственного дыхания постепенно перестал раздражать.

Голубое свечение привело меня к закрытой калитке с табличкой, предупреждающей о старом защитном участке. Я остановилась снаружи, положив пальцы на холодный металл, и разглядела под деревом несколько маленьких цветов. Они были похожи на тот, который привёл меня сюда, и от этого сходства под курткой пробежал неприятный озноб.

Чуть дальше стояла скамья, и на ней сидел мужчина с альбомом на коленях. В первое мгновение я увидела только белую рубашку и тёмные волосы, упавшие на лоб, а затем он повернулся к свету. Его лицо было молодым, гораздо моложе, чем предполагала неподвижная, усталая поза, и неожиданно красивым той неброской красотой, которую замечаешь не сразу, зато потом долго не можешь перестать разглядывать.

Он рисовал, придерживая страницу левой рукой, а правой быстро и уверенно двигал карандаш. Рукава были закатаны, и на одном запястье темнел узор, похожий на тесный браслет, слишком глубоко вдавленный в кожу. Мне почему-то стало неловко, словно я заглянула в чужую комнату без стука, хотя между нами оставалась закрытая калитка.

Я собиралась отойти, но под подошвой хрустнула мелкая ветка. Мужчина мгновенно поднял голову, и я увидела, как в

его глазах изменились зрачки, вытянувшись в узкие тёмные щели. Над пальцами, лежавшими на альбоме, на короткий миг проступил золотистый отсвет, а потом исчез.

— Простите, я не хотела мешать, — сказала я, удержав руку на калитке, чтобы не отшатнуться слишком заметно. — Увидела цветы и подошла посмотреть, потому что один такой сегодня перевернул мою жизнь. Вернее, вчера, я пока не разобралась, сколько здесь прошло времени.

— Вам нельзя сюда, — произнёс он негромко, но в тишине каждое слово прозвучало отчётливо. — Это не прогулочная часть сада, и цветы здесь тоже лучше не трогать. Возвращайтесь в корпус той же дорогой, по которой пришли.

— Я прочитала табличку и нахожусь снаружи, — ответила я, уже жалея, что не осталась в кровати. — Входить не собираюсь, просто не знала, что смотреть тоже запрещено. Если нужно разрешение на взгляд, завтра спрошу у куратора, куда подавать заявление.

На его лице что-то дрогнуло, но я не поняла, раздражение это или почти улыбка. Он опустил взгляд, и тогда я заметила у скамьи тёмную полосу травы, будто по ней прошёлся мороз. На улице было прохладно, однако ни у дорожки, ни возле калитки листья не чернели, и из-за этого маленького несоответствия я задержалась ещё на секунду.

— У вас под ногами замерзает трава, — сказала я, стараясь смотреть на землю, а не на его лицо. — Может, здесь проходит какая-нибудь холодная труба или что-то похожее,

я не знаю ваших устройств. Но рядом с живыми корнями так быть не должно, особенно если холод идёт только с одной стороны.

Он резко закрыл альбом, словно я спросила о чём-то совершенно другом. При движении показался рисунок девушки у фонтана: тёмные волосы, поднятая рука, голова, повернутая к человеку за пределами листа. Я успела заметить, с какой бережностью он придержал угол страницы, прежде чем спрятать её от меня.

— Я знаю, — ответил он после долгой паузы, и голос стал глуше. — Именно поэтому вам стоит уйти, пока вы не подошли ближе. Пожалуйста, я сейчас не лучший собеседник для знакомства с академией.

В этом последнем «пожалуйста» оказалось столько усталости, что спорить расхотелось. Я кивнула, отступила от калитки и сказала, что не собиралась заставлять его разговаривать, хотя всё произошло именно так. Уже повернувшись к дорожке, я услышала тихое «Лиора», произнесённое с такой неожиданной нежностью, что остановилась сама собой.

Я оглянулась, уверенная, что из-за дерева вышел кто-то ещё. Но мужчина снова сидел один и смотрел на закрытый альбом, а голубые цветы светились у его ног, не освещая чёрной травы. Возвращаясь в корпус, я всё время вспоминала эту нелепую неподвижность сада, в котором были и лунный свет, и листья, а дышать почему-то становилось трудно.

Утром меня разбудил стук чашки о стол, и я увидела Нику

с кувшином горячей воды в руках. Она спросила, удалось ли выпаться, а я вместо ответа неожиданно поинтересовалась, учится ли здесь девушка по имени Лиора. Соседка перестала наливать воду, посмотрела на меня внимательнее и осторожно поставила кувшин на подставку.

— Училась, — сказала она после короткой паузы. — Ведьма со старшего курса, кажется, очень способная, хотя я с ней не встречалась. Она погибла на испытании почти год назад.

Глава 3

Я смотрела на кувшин в Никиных руках и пыталась соединить вчерашний голос с тем, что только что услышала. Мужчина за калиткой произнёс имя Лиоры так, словно она находилась рядом и могла ответить, если я перестану шуметь. Теперь от воспоминания о закрытом альбоме становилось неловко, будто я случайно прочитала письмо, которое никто не собирался мне показывать.

— Прости, я не хотела тебя напугать, — сказала Ника, поставив передо мной чашку. — Ты спрашивала так, будто собираешься найти её на занятиях, и я решила сразу объяснить. Только не слушай всё, что рассказывают за завтраком, здесь чужие истории очень быстро обрастают подробностями.

Я кивнула и не стала говорить о рисунке, почерневшей траве и том, как незнакомец попросил уйти. Мне вдруг показалось нечестным превращать его ночное одиночество в рассказ за утренним чаем. Вместо этого я спросила, далеко ли идти до кабинета травоведения, и Ника вздохнула с облегчением человека, которому наконец задали вопрос с известным ответом.

Урок проходил в длинном помещении, примыкавшем к оранжерее. По стенам стояли шкафы с банками и свёртками, на столах лежали ножи, ступки и дощечки, а из открытой

двери тянуло влажным теплом. Я вдохнула запах земли и листьев, и впервые со вчерашнего утра мне захотелось остаться там, куда меня привели.

Преподавательница представилась Адель Вереск и сразу попросила убрать рукава от инструментов. У неё были короткие светлые волосы, испачканные землёй пальцы и взгляд, который задерживался на каждом из нас ровно настолько, чтобы убедиться: мы слышим. Вместо рассуждений о великом предназначении она показала, где мыть руки и чем промывать глаза, если туда попадёт сок.

— Сегодня вы соберёте основу мягкого восстановительного настоя, — сказала госпожа Вереск, расставляя корзины. — Ничего не пробуем, не нюхаем вплотную и не смешиваем без проверки, даже если дома ваша бабушка прекрасно обходилась без моих указаний. Уверенность в собственной бабушке заслуживает уважения, но отравления не предотвращает.

За столами засмеялись, и даже Лена перестала прятать руки в рукава. Я разложила выданные веточки, сверяясь с рисунками на доске: круглый лист, красноватая жилка, мягкое опушение с обратной стороны. Всё было достаточно понятно, пока пальцы не коснулись невзрачного серо-зелёного пучка, перевязанного тонким шпагатом.

Мне стало неприятно ещё до того, как я поняла почему. Веточки выглядели здоровыми, однако от них словно тянуло затхлостью закрытого холодильника, хотя стоило отодвинуть

руку, и запах исчезал. Я попробовала взять один стебель отдельно, но тут же положила обратно, ощущая странную тяжесть в пальцах.

— Простите, а эту траву точно можно использовать? — спросила я, когда преподавательница подошла к нашему столу. — На вид всё правильно, но с ней что-то не так, только я пока не могу объяснить. Можно взять другой пучок и сравнить, прежде чем добавлять её в сбор?

Госпожа Вереск не стала ни хвалить мою осторожность, ни объявлять её паникой. Она спросила, какой именно признак меня смущает, и пододвинула дощечку под яркий свет. Я развернула пучок, провела пальцем вдоль самого толстого стебля и заметила у среза тонкое белое кольцо, почти сливавшееся с мякотью.

— Вот здесь, — сказала я, осторожно повернув веточку. — Если снять кору, кажется, оно пойдёт выше, хотя листья ещё не изменились. Дома я бы не поставила такой стебель к здоровым цветам, даже если заказчик очень просит не портить букет.

Преподавательница взяла нож, сделала продольный надрез и некоторое время молча смотрела на открывшуюся ткань. Потом велела всем отложить серолист и убрать руки со столов, а сама перенесла корзину на отдельный поднос. Когда она рассекла второй стебель, под корой проступила та же белёсая кайма, только заметнее.

— Холодовое поражение, — объяснила она, накрывая

поднос стеклянным колпаком. — При обычном хранении его здесь быть не должно, но спорить с образцом бессмысленно. Сегодня эту партию не используем, а вы, Элара, после занятия задержитесь, мне нужно уточнить несколько вещей.

Ника толкнула меня локтем и шепнула, что в первый же урок попасть в неприятности умеет не каждый. Я хотела ответить, что всего лишь попросила другую веточку, но посмотрела на колпак и промолчала. За стеклом лежала самая обыкновенная трава, и всё же мне никак не удавалось избавиться от ощущения, будто я заметила чужую болезнь раньше, чем меня попросили смотреть.

Когда остальные вышли, госпожа Вереск открыла дверь в оранжерею и предложила мне сесть за небольшой рабочий стол. Ника обещала подождать в библиотеке, если разговор затянется, и теперь я осталась наедине с растениями и женщиной, которую знала меньше часа. Вместо ожидаемых вопросов о происхождении преподавательница поставила передо мной три одинаковых горшка.

— Не ищите правильного ответа, — попросила она, отодвигая поднос поближе. — Скажите, отличаются ли они для вас чем-нибудь, а если нет, так и скажите. Мне полезнее честное «не понимаю», чем догадка, которую вы приняли за обязанность угодить преподавателю.

Я рассматривала молодые побеги, одинаковую землю и аккуратные деревянные метки. Один горшок хотелось повернуть к свету, второй — отодвинуть от себя, а рядом с тре-

тым я не ощущала ничего особенного. Когда я призналась в этом, госпожа Вереск попросила показать расположение первого растения так, как мне кажется правильным.

Я повернула его всего на четверть оборота и неожиданно почувствовала облегчение. Ощущение было настолько нелепым, что я тут же отступила, опасаясь выдать желаемое за настоящее. Преподавательница заглянула на обратную сторону метки и записала что-то в тетради, не показывая мне результат.

Во втором опыте горшки переставили, а один из них заменили. Я дважды правильно указала на ослабленное растение и один раз уверенно выбрала совершенно здоровое, стоявшее рядом с холодным стеклом. Госпожа Вереск не нахмурилась из-за ошибки, а наоборот, попросила запомнить, чем ощущение прохлады отличалось от того, что я почувствовала на уроке.

— Вы не слышите слов? — уточнила она, когда я попыталась сравнить впечатления. — Никто не велит вам что-нибудь сделать и не называет собственное имя? Важно понять, что именно происходит, прежде чем подбирать этому красивое объяснение.

— Нет, слов нет, — ответила я, глядя на свои ладони. — Скорее я заранее знаю, что сейчас сделаю что-то неудобное, как перед неправильно поставленным цветком. Только дома это было слабее, и я всегда могла убедить себя, что просто заметила деталь, которую пока не умею назвать.

После четвёртой пробы у меня заболели виски. Я попыталась скрыть это, но преподавательница сама убрала горшки, налила воды и подвинула тарелку с сухарями. На предложение закончить ещё один опыт она ответила, что способность не перестаёт быть интересной оттого, что её обладательнице требуется поесть.

— Это магия? — спросила я после нескольких глотков, потому что вопрос уже невозможно было удерживать. — Вчера мне объясняли, что люди в основном помогают тем, у кого она есть. Сегодня я сижу перед тремя горшками и начинаю всерьёз бояться, что один из них на меня обиделся.

Госпожа Вереск улыбнулась и объяснила, что человеческая восприимчивость отличается от ведьмовской силы. Мы не наполняем растение своей магией и не заставляем его расти, зато иногда способны замечать, как оно принимает и проводит чужую. Такой контакт редко бывает достаточно отчётливым, чтобы на него опираться в работе, а мой ещё следовало внимательно проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.